

Глава 4 В БЛОКИРОВАННОМ ГОРОДЕ

В. Рысаков 900 БЛОКАДНЫХ ДНЕЙ

Раньше (до войны) принимали в школу с 8 лет: ведь совсем недавно проводилась общесоюзная программа «Ликбеза» (ликвидация безграмотности). Поэтому к началу войны я успел закончить лишь 1 класс. Закончил с отличием. До школы я уже умел считать, писать и читать. Со средним братом Толей (1926 г. р.) и с отцом (1889 г. р.) играл в русские шашки. Отец научил меня еще немного «тренькать» на бала-лайке (по праздникам при застольях обычно пели народные песни, и отец иногда подыгрывал на ней мелодию). Мне нравилось учиться. До сих пор осталось в памяти доверие учителей: мне давали на проверку выполненного задания тетради моих одноклассников. Думаю, это был метод поднятия активности учеников как успешных, так и отстающих.

Родители были довольны моими успехами, так как со-знавали цену знаний. Мой отец участвовал в кампании «Ликбеза» в качестве преподавателя в школе для взрослых (это было до переезда в Ленинград). У нас еще долго хранился учебник по математике с его надписью: «Сия книга принадлежит Рысакову Ивану Семеновичу». Дело в том, что учебников не хватало, и ему приходилось давать учебники ученикам для временного пользования.

По окончании занятий в школе, где-то в начале июня, мама (Рысакова Дарья Семеновна, 1889 г. р.) уехала со мной в деревню к племяннице под Колпино (в районе станции Поповка). Там я и увидел в первый же день войны немецкого диверсанта. Говорили, что он якобы спустился на парашюте, но его поймали. Эта весть быстро разнеслась в округе. Когда его вели через деревню, пацанов (мальчишек и девочек) сбежалось посмотреть очень много. Диверсант был одет в гражданский костюм коричневого цвета. (В то время любой

из военных Германской армии, вторгшейся в нашу страну, был для нас, ребят, «немцем». Лишь со временем постепенно мы стали понимать, что не всякий «немец» есть фашист или насильник. Уже после войны об этом много писали и показывали в книгах и фильмах. Об этом же дальше сказано и в моих воспоминаниях.) А вечером того же дня к нам приехал отец, сказал, чтобы собирались домой в город, так как началась война, и старший сын (Костя, 1913 г. р.) через день должен был явиться в военкомат.

Когда мы на следующий день вышли из Московского вокзала и поехали домой (а жили мы на Новом переулке, который соединяет ул. Плеханова (сейчас Казанская) с Исаакиевской площадью) меня поразили вид всех окон домов вдоль Невского и Герцена: они были все обклеены газетными лентами. Как пояснил мне отец, это чтобы предохранить стекла от взрывной волны.

Вспоминается ажиотаж в покупке мыла, спичек и керосина. Мои родители тоже, по-моему сделали запас и, помнится, готовили много сухарей. Мой отец участвовал в Первой мировой войне, и, видимо, тот опыт ему что-то подсказывал.

До войны ребята моего возраста были довольно активны: у нас были популярны игры в лапту, в чижика, прятки, казаки-разбойники (в нашем доме было 3 двора; подвалы этих дворов были соединены между собой, и в них держали дрова для отопления), играли в испорченный телефон, считалки и многое другое. Мы самостоятельно, группами по 3–5 человек, ездили на трамвае в Озерки купаться (там вода теплее, чем в Неве на Петропавловке), гуляли в Александровском саду и у воды на спуске «стрелки» Васильевского острова. Тогда, правда, не было такого засилья автомашин и нападений на детей.

В нашем большом доме было и активно действовало что-то вроде «домкома». Они вместе с дворниками по вечерам загоняли малышню домой, организовывали праздники, экскурсии, культпоходы по городу и в пригород. Старшеклассников (6–7 класс уже относился к ним) домой не загоняли. Они группами или парочками располагались по этажам лестниц. Нам (малышне) было любопытно подслушивать их

разговоры, и мы прятались от дворников, а потом «пугали» притаившиеся парочки (судя по групповой довоенной фотографии, ребят в нашем доме было примерно 50 человек). Иначе говоря, мы были достаточно самостоятельны и потому, когда начались трудности с продуктами, я и некоторые мои сверстники ездили на «десятке» (номер трамвая) на Ржевку за крапивой и лебедой (тогда Ржевка была далекой окраиной города). Ездили и к Бадаевским складам, когда они горели (оттуда, помню, принес домой патоку — горелый сахар). Рыбу ловили не только вдоль Невы и Фонтанки, но даже в реке Мойке (правда, здесь водилась только уклейка, очень мелкая и с шипом рыбешка). Плотвичка хорошо ловилась с камней возле мукомольной фабрики им. Ленина (тогда там не было современной набережной). Еще запомнился наш ребячий «промысел» по добыче муки. Раньше, до строительства метро, на Сенной площади стояла Спасская церковь. Еще в мой дошкольный период мама как-то раз сводила меня туда для причастия. Батюшка в красивом облачении, что-то бормоча, влил мне с ложечки в рот вкусный сироп. Так вот, в эту церковь вскоре стали свозить мешки с мукой. Пока грузчики заносили мешки внутрь церкви, мы, сделав надрез в мешке, отсыпали «свою» долю в свою упаковку. Не могу сказать, специально рабочие не прогоняли нас, а лишь распугивали как стайку воробьев, или им было не до нас.

Блокада началась в начале августа. С тех пор начались систематические налеты (бомбежки) и обстрелы. Первое время всех загоняли в бомбоубежище и газоубежище. Позже многие попривыкли и стали оставаться дома. Отец велел мне садиться в простенке возле окна. Дом наш кирпичный с толстыми стенами. Как объяснил мне отец, осколки стену не пробьют, а в случае обвала потолка (если бомба «прошьет» этажи) балка образует надо мной крышу «шалаша». А мама, как верующий человек (в отличие от отца), по-своему старалась меня защитить: крестила меня и просила прочитать молитву типа: — «Господи! Спаси и сохрани раба твоего божьего! Отведи беду от дома нашего!» А брат со сверстниками дежурил на чердаке.

К зиме начался настоящий голод. Хлебные и продовольственные карточки не всегда отоваривались: не хватало продуктов, а в другом месте получить нельзя — все были прикреплены к конкретным магазинам и булочным. Поэтому приходилось с вечера занимать очередь в свою булочную. Брат часа на два-три подменял маму, давая ей передышку на короткий сон. Иногда под утро и я подменял маму. Но к открытию булочной мама всегда была на месте. Хвост очереди к утру часто растягивался почти на 100 метров. У меня осталась в памяти ежедневная, ставшая почти ритуальной, процедура деления пайки хлеба «на сейчас» и «на потом». Наши пайки (мою и брата) мама делила на две части, а свою — на несколько кусочков. Пайка весила 125 грамм для служащих и для иждивенцев (то есть не работающих и для детей с 12 лет), а для детей и рабочих — по 250 грамм. Мама в ту зиму не работала, а папа получал две рабочие пайки, так как был занят на физической работе: пилил дрова для «Казачьих» бань, где мылись военные после продолжительного нахождения на передовой («Казачьи» бани были вблизи Витебского вокзала). Мы с братом съедали хлеб что «на сейчас», а мама не спешила есть. Потом говорила нам: «Что-то нет аппетита» и добавляла нам часть своих кусочков. Я помню: с полной уверенностью, что мама действительно «не хочет», съедал и ее кусочки (ведь мамы всегда говорят только правду). Лишь став взрослым, я осознал, что это были акты самопожертвования со стороны мамы ради попытки спасения нас от голодной смерти. В связи с этим вспомнился другой эпизод того жуткого времени, но в другой, но тоже блокадной семье.

В 50-е годы (вскоре после «ДМБ») я несколько лет проработал на заводе «Красная заря» и там подружился с Олегом Соболевым (у него был первый разряд по шахматам). Он тоже в то время работал на заводе и был лет на шесть младше меня, то есть в блокаду ему было около трех лет. После производственной травмы и последующих за ней событий жизнь Олега трагически оборвалась в ночь с 6 на 7 ноября. Его мама разыскала меня и попросила рассказать, что мне известно о последних днях работы Олега. «Олег мне часто рассказывал о Вас, и я знаю от него, что последние дни Вы часто виделись

с ним на работе. Что произошло? Ведь он так дорог был мне!» — в сердцах выдохнула она. И после моего объяснения о случившемся она рассказала. «К весне 1942 года я уже еле держалась на ногах. Есть было нечего. В квартире очень холодно. За водой сходить на Неву не было сил, вынести помои — тоже не по силам. И я решила не оставлять сына на произвол судьбы: он мог мучиться от голода и холода, могли съесть его тело людоеды, мог и долго быть не похороненным» (Замечу: для верующего человека это тоже сильно значимый фактор жизни). «И тогда, отчаявшись, я решила утопиться вместе с сыном», — сказала она. «Уже стояла у перил на мосту «Лейтенанта Шмидта», но кто-то в последний момент удержал меня и помог. И я стала бороться. Не за себя, а ради жизни сына». Я до сих пор помню эту страшную драму другой матери в годы блокады.

Продолжу о себе и о нашей семье.

Старшая сестра Валя (1921 г.р.), как и очень многие работники производств, была на казарменном положении, то есть разрешалось редко и на короткий срок побывать дома (на производстве всегда должны быть люди, чтобы быстро ликвидировать последствия пожара или разрушения). По этой причине сестра не могла дежурить в очереди. Работала она бухгалтером на «Ленжиркомбинате», что расположен чуть в стороне от Фрунзенского универмага через Обводный канал, почти рядом с Бадаевскими складами рядом с хлебокомбинатом, буквально через забор. Это обстоятельство сыграло огромную роль для нашей семьи: родители смогли «протянуть» до марта 1942 года, а мы с братом и сама сестра остались живы. Дело в том, что сестра (и, по ее рассказам, некоторые другие работники комбината тоже) наладила бартерный обмен кокосового жира и жмыха («дуранды») на хлеб. Обмен производился путем переброски «товара» через забор или под забором. Я раз в неделю, а то и два, приходил к проходной на свидание с сестрой, и она выносила мне все, что удавалось раздобыть. Естественно, часть приходилось отдавать охране, чтобы она как бы ничего запретного не замечала. Иначе говоря (уже с позиции взрослого человека), обстоятельства диктовали взаимовыручку. Это не было стяжательством, а была борьба за выживание.

Отец тоже был на казарменном положении, и еду для него я относил к нему на работу. В дополнение к жмыху и кокосовому жиру мы использовали имевшийся в доме для хозяйственных нужд столярный клей и олифу, расходуя их экономно. Наличие в доме клея, олифы, дратвы, стелек, гвоздей, а также всякого инструмента не случайно. По рассказу старшей сестры, а позже и двоюродного брата, отец славился в деревне «мастеровым» хозяином: многие обращались к нему с починкой домашней и дворовой утвари. Ботинки, сандалии, валенки — всегда ремонтировал сам.

Помню, несмотря на голод, я не мог есть варево из льняного жмыха в смеси с клеем и перцем. Желудок не принимал, меня рвало и выворачивало все нутро наизнанку, а «песчаную дуранду» мог есть.

За водой мы с братом ходили на Неву, благо это было сравнительно близко от нашего дома — широкий спуск к Неве между Медным всадником и Адмиралтейством.

Мы жили в коммунальной квартире на первом этаже, окнами в переулок. Кроме нас там жили еще газосварщик дядя Сеня с женой (они умерли раньше моих родителей и их увозили в братскую могилу сандружинники) и семья недавно вселившаяся, где один из сыновей был в ремесленном училище, и был у них там казенный харч. Столовая располагалась в здании нынешнего Райисполкома Адмиралтейского района и школы № 32, где я и брат учились до войны. Так вот, сосед Саша договорился с однокашниками и они, пряча меня среди своей толпы, проводили меня в столовую и там подкармливали. За столом — 10 человек. Кастрюля — на всех. Я был у них одиннадцатым. Потом, примерно в октябре, вроде все училище ушло в ополчение. С тех пор я о нем ничего не слышал (его родные вскоре съехали куда-то с квартиры). Сейчас напротив той столовой стоит памятный камень — на месте сбора ополченцев.

Дядя Сеня работал буквально напротив дома: там строилось здание для школы. Перед войной там не было еще ни крыши, ни перекрытий — лишь стены и металлические балки для настила полов и потолков. Мы играли там в пятнашки, перебегая по балкам от стены к стене прямо

над «пропастью». Так вот, в один из артобстрелов снаряд угодил в этот каркас здания, почти напротив нашего окна. Посуда в буфете, конечно, «затанцевала» и «задрезбуждала», а осколок пролетел мимо, не задев меня: ведь я сидел в простенке! Отец оказался прав. Примерно в это же время (сентябрь-октябрь) мы узнали, что сгорели «американские горы» в «Госнардоме», которые были рядом с зоопарком. Как раз незадолго перед войной я прокатился на них. Помню, отец крепко держал меня за руку и прижал коленом: видать боялся за меня, что я один мог выпасть из тележки во время виража...

Зима 1941–1942 годов была очень суровой — морозы стояли сильные и продолжительные. Помещения не отапливались, водопровод и канализация не работали (нечистоты выливали прямо в сугроб), электричества не было, кирпичные стены все промерзли. Для освещения использовали так называемые «коптилки». Это маленькая баночка с крышкой, а внутри керосин. В крышке делалось отверстие, куда вставлялся фитиль — жгутик из ваты, из пряжи, из лоскутков мягкой ткани и других материалов. Воду подогревали в печке: внутри топки ставили 2 кирпича на ребро с небольшим расстоянием между ними, сверху ставили кастрюлю или чайник, а под днищем сосуда разводили огонь. Его горение поддерживали с помощью мелких щепок. Дрова добывали в основном из развалин домов — это и балки, и щиты, и мебель. Отец, когда приходил домой, всегда приносил либо метровое полено, либо 1–2 чурки.

В эту зиму занятий в школе не было, по крайней мере, я не учился, и поэтому подолгу сидел возле окна, где было светлей, чем в глубине комнаты, и удобней было чем-нибудь заниматься. Еще осенью мы с отцом купили в «большом» (как мне казалось тогда) магазине канцтоваров комплект обычных шахматных фигур (они не были окрашены в свои цвета и даже еще пахли свежим деревом) и комплект «военных шахмат». «Это чтобы тебе меньше думалось о еде», — сказал мне тогда отец. В качестве фигур «военных шахмат» использовались двухскатные «крыши», на одну из сторон которой наклеивался свой рисунок или надпись, например: са-

пер, разведчик, авиазвено и т. д. Каждая сторона имела свой цвет. Доской служила карта местности, где были нарисованы рощи, речки, болота, дороги. Ходы делались по очереди. Однажды из окна наблюдал такую картину: лошадь с военной повозкой как раз напротив нашего окна опорожнила свой кишечник. Не успела повозка проехать, как тут же несколько человек бросились к еще теплому навозу для поиска в нем сохранившихся зерен овса.

Зима тянулась очень долго. Уже в феврале мама слегла. Сестру стали почаще отпускать на несколько часов домой. Числа 4 марта отец пришел с работы с очередным поленом на плече. Сказал, что отпустили побыть дома, так как он очень себя плохо чувствовал. Ночью во сне отец стал бредить, а потом громко говорить кому-то: «Вон, смотри, смотри какая глубокая яма!» Услышав это, мама сказала: «Наверно, отец скоро умрет». Так и случилось. В ночь с 7 на 8 марта, не приходя в сознание, отец умер. Его тело зашили в простыню и сестра с невесткой на детских санках повезли отца на «сборный пункт» в район нынешнего Парка Победы (я тогда еще не знал, что там был построен крематорий). Я провожал его лишь взглядом, высунувшись чуть из форточки, а брат с мамой, тоже молча, глядели через окно (маме уже было трудно даже приподняться в постели). В ночь с 28 на 29 марта умерла и мама. Как верующий человек, она попросила похоронить ее по-христиански, то есть в земле и в гробу. Это было дня за два до ее смерти. Сестра тогда была дома, и слова мамы были обращены в основном к ней. Брат с сестрой выполнили просьбу мамы полностью. Толя сам выкопал могилу под взрослой липой вблизи речушки, что пересекала Волково кладбище, а Валя организовала поиск гроба и заказ панихиды. Брату пришлось нелегко, так как земля была еще сильно промерзшей, и было много разных по размеру корней. К тому же глубина могилы должна была быть не менее 1.5 метров. Маму отпевали в церкви этого же кладбища.

Когда, закончив рыть могилу, мы возвращались домой, идя вдоль кладбищенского забора, мы вдалеке заметили «трехтонку» (грузовик) и какую-то огромную кучу, которой утром не было. Подойдя поближе, мы увидели — это была

груда трупов, извлеченных из могил. На меня сильное впечатление произвел вид детского трупа, который был поверх всей кучи. На нем было одето красивое красное пальтишко с белыми кружевами спереди и на плечиках. И еще то поразило, что санработники, сидя на трупах уже погруженных на машину, обедали (у них у каждого в руках было что-то вроде бутерброда и бутылка воды или водки)! Ведь мне только 3 апреля должно было исполниться всего лишь 10 лет. Эта картина осталась у меня перед глазами на всю жизнь. Как позже я узнал, санработники «штырями» протыкали свежие могилы, проверяя глубину захоронения. Все, что было менее 1 метра — выкапывали: ведь начиналась весна и возникала опасность эпидемии.

После смерти родителей мы с братом оставались вдвоем в квартире. Сестра по-прежнему была на казарменном положении. Вскоре ей удалось пристроить брата на «Ленжиркомбинат» электриком, и Толя вместо иждивенческой карточки стал получать рабочую. Кроме того, с открытием «Дороги жизни» снабжение города продуктами улучшилось.

Наступление весны постепенно поднимало настроение. Город оживал. Уже в апреле-мае всех ребят, кто остался жив, приписали к школам. Ребята нашего двора были приписаны к школе № 239. Ее здание — возле Исаакиевского собора со львами у главного входа (бывший дворец Разумовского). Ближайшая школа от нашего дома была занята под госпиталь. Уже была, по-моему, увеличена норма пайка; на нас, школяров, выдали талоны на ДШП (дополнительное школьное питание). Ходили мы в столовую, что недалеко от Главпочтамта. Почему-то запомнилась чечевичная каша тех времен. Нас организовывали в дружины и поручали собирать осколки и металлолом, детские рисунки и теплые вещи для отправки их на фронт, навещать одиноких и по возможности, помогать им: прибраться в доме, принести воды, дров. На территории Александровского сада на каждый класс выделили участок земли под грядку. Наша грядка была вдоль задней решетки сада почти напротив входа в школу. Урожай с грядок сдавали на кухню. Талоны «ДШП» выдавали на класс на каждый день. Поскольку меня избрали «предсе-

дателем совета дружины» (так звучало тогда), наши талоны на каждый день были у меня и ребята всегда высматривали меня от школы: когда я появлюсь из-за угла «Астории» (всем не терпелось побыстрее пойти в столовую).

Узкую полоску земли получила и сестра от своей работы. Эти полосы земли были нарезаны в районе «Средней рогатки» — от развилки и дальше вдоль Московского шоссе. В то время туда ходил «подкидыш» — это один вагон по одноколейке от Благодатной ул. до «Рогатки» и обратно. Сажали не картофелины, а кожурки с «глазками». Я не помню, чтобы были скандалы или споры, что кто-то копнул картофель не со своей полоски.

Несмотря на начало лета, голод в городе все еще творил свое пагубное действие, налеты и обстрелы продолжались. Особенно интенсивный обстрел был в течение 1 и 2 мая, традиционные праздничные дни в нашей стране. Тогда мы с ребятами гуляли по Невскому, по тревоге прятались, где придется, и однажды нас защитил от осколков большой деревянный ящик с песком, которым была закрыта витрина Елисеевского магазина со стороны Малой Садовой улицы (снаряд разорвался прямо на трамвайных путях напротив этой улицы). Второго мая брата ранило в ладонь, когда он падал на землю при характерном звуке от приближающегося снаряда.

(Всех граждан инструктировали — если ты не в укрытии, ложись на землю — меньше риск поражения осколками.)

Вспомнилась и такая картина того времени: женщина медленно шла вдоль гостиницы «Астория». Вдруг болезненно запричитала, прислонилась к стене и затихла: по ногам стекала поносная жижа, и женщина медленно-медленно стала сползать спиной вдоль стены. Редкие прохожие остановились возле нее, и по их поведению я понял, что женщина скончалась. Прямо на улице. Не дойдя до своих...

Занятия в школе начались вовремя — 1 сентября. Настроение у нас ребят было хорошее: ведь мы могли теперь чаще общаться друг с другом! На большой перемене бегали играть в догонялки и пятнашки на гранитные уступы «Исаакия» (тогда ограждения не было). Популярны были и игры